

А.К. Матвеев

КУЧКАС И МУЧКАС

На самом юге Пинежского района Архангельской области между притоками Пинеги реками *Нюхча* и *Жердь* находится деревня *Кучкас*. Селение это, может быть, получило свое имя по небольшой речке *Кучкас*, хотя столь же возможно, что речка была названа по деревне. *Кучкас* – явно субстратное название, не имеющее никакого отношения к рус. *кучка* как из-за широко распространенного на Русском Севере субстратного форманта *-ас* и “нетопонимичности” апеллятива *кучка*, так и ввиду ближайшего топонимического окружения: гидроним *Нюхча* сопоставляется с саам. норв. *njuk'čá*, кильд. *nyčč* ‘лебедь’, а название реки *Жердь*, при всей своей структурной необычности, определенно русское, легко объясняется как метонимическая калька наименования смежной речки *Сейвас*, впадающей в Пинегу в одном километре от Жерди, которое восходит к фин., карел. *seiväs* ‘шест, кол, жердь’. Уже это позволяет предположить, что источником топонима *Кучкас* должно быть какое-то прибалтийско-финское, саамское или прибалтийско-финско-саамское слово.

М. Фасмер сопоставил этот топоним с саам. норв. *goikes*, *goaikes*, кольск. *koškes*, морд. *koške*, мар. *kukša* ‘сухой’, истолковывая его как ‘сухая местность (место)’¹. А.И. Попов видел в названии *Кучкас* реликт древнего диалекта, упоминаемый в исторических памятниках Суры Поганой со значением ‘орел’².

Интерпретация Фасмера показательна обращением к саамским источникам (ср. выше о гидрониме *Нюхча*), но неудовлетворительна с фонетической стороны, поскольку прасаам. **koškē*, саам. норв. *goikes*, кильд. *kāškes*, терск. *koškes* ‘сухой’³ в топонимии Русского Севера должны были бы соответствовать образования с основами *кошк-* или *кушк-* (саам. *š* > рус. *ш*, а не *ч*), и они фактически засвидетельствованы⁴. Более того, финно-угроведы восстанавливают уральскую праформу **kuška (koška)* ‘сухой’, но древнее **ś* ни в одном из уральских языков в этом слове не реализуется в звуке типа **č (č)*⁵, хотя изменение **ś > č* характерно именно для саамского языка⁶. В то же время видеть в названии *Кучкас* наследие диалекта Суры Поганой вряд ли возможно, так как, во-первых, об этом диалекте нет никаких данных, а во-вторых, *Кучкас* находится значительно выше места впадения реки Сура в

Пинегу (приблизительно в 100 км). Однако первичная семантика топонима, предложенная А.И. Поповым ('орел') заслуживает внимания, причем не столько из-за ее "топонимичности" ("орлиных" мест много в самых различных системах географических названий), сколько благодаря возможности обосновать фонетическую интерпретацию этого наименования на почве финских языков.

Апеллятив со значением 'орел' представлен фин. *kotka*, эст. *kotkas*, саам. норв. *goas'kem*, кильд. *kuøckem*, морд. *kuškan*, мар. *kučkăž*, удм. *kuš*, которые возводятся к финно-пермской праформе **kočka*⁷. Эти данные позволяют вычлени в топониме *Кучкас* словообразовательный формант *-ас* и, что особенно важно, считать консонантную группу *чк* аналогом реконструированного консонанса **čk*.

Словообразовательный формант *-ас* в языках субстратной топонимии Русского Севера мог обладать как субстантивным, так и адъективным значением⁸, что в данном случае непринципиально. Существеннее фонетические данные, которые указывают на архаичный характер названия. Напрашивается его близость к марийскому слову, но допустимо и сопоставление с прасаам. **kḷčkēmē* < прафинно-саам. **kočka* + *та*, где *-та* – словообразовательный формант⁹.

Разумеется, наименование, усвоенное русскими не ранее XI–XII вв., не может быть ни прафинно-саамским, ни тем более финно-пермским, поскольку эти восстанавливаемые языки (если они действительно существовали) функционировали значительно раньше начала II тыс. н.э. Поэтому можно предположить, что оно восходит к архаичному языку саамского типа, в котором еще не произошло изменение **čk* > *čk* (*ck*), т.е. аффриката имела такой характер, что русские усваивали ее как *ч*. Требуется объяснения также рефлекс *у* < **и* (*ū*) вместо ожидаемого *о* < **о* (*ō*), тем более что на Русском Севере неоднократно зафиксированы наименования типа *Кочкозеро*, *Кочкомозеро*, *Кочкомручей* и т.п.¹⁰, которые более точно соответствуют саамским данным. Но, во-первых, есть и фиксации гидронимов *Кучкова*, *Кучковручей*, *Кучкога* и *Кучкомъ Гора* в той же пинежской зоне (Пинежская писцовая книга 1623 г.), а, во-вторых, переход **о* (*ō*) > **и* (*ū*) был очень характерен для древних саамских диалектов Русского Севера, особенно в тех случаях, когда саамский звук был долгим¹¹.

Эта этимология проливает свет и на созвучное название другой деревни – *Мучкас* (Удорский район республики Коми близ границы с Лешуконским районом Архангельской области). Ойко-

ним *Мучкас* также должен рассматриваться как русское название, поскольку коми называют это селение *Мутьдін*. Мучкас находится на берегу реки Мезень у обширной излучины, что, как будет видно в дальнейшем, немаловажно. Рядом с селением в Мезень впадает довольно значительная река *Мудзью*. Нет сомнения, что названия *Мучкас*, *Мутьдін* и *Мудзью* этимологически связаны, а так как компоненты *дін* и *ю* в коми языке означают соответственно ‘место, прилегающее и чему-либо’, ‘устье’ и ‘река’, проблема сводится к установлению этимологии топооснов *мучк-*, *мутъ-*, *мудз(ь)-* и интерпретации их отношений.

Первым на эти названия обратил внимание А.И. Туркин¹². Указывая, что река *Мудз* (*Мудзью*) в документе 1485 г. именуется *Муча*, он сопоставляет их с коми и удм. *мутш* ‘кочка, кочкарник’, т.е. *Мудзью* – ‘река, текущая по кочкарнику’. А.И. Туркин приводит различные варианты коми названия деревни Мучкас как современные – *Мульдін*, *Мутьдін*, *Мудздін*, так и исторические – *Музкоска* (1678 г.), *Мучдинская*, *Муч-Дин* (1859 г.), заключая, что *Мутьдін* (так!), *Мутьдін*, *Мудздін* – ‘устье реки Мудз’, а колебания гласных в исходе основы объясняются тем, что в удорском диалекте коми языка аффриката *дз* перед *д* утрачивает фрикативную часть и переходит в среднеязычно-палатальное *дь* (*ть*). Русская (официальная) форма ойконима *Мучкас* (иногда *Мучкась*), по мнению А.И. Туркина, возникла из наименования порогов, находящихся ниже деревни, которые называются *Мутьдін косьтъяс* (коми *кось*, *косьт* ‘порог, пережат’) с последующей эволюцией в *Мудзкось* > *Мучкась* > *Мучкас*. Это объяснение дополняется аргументом, что в русских заимствованиях из коми языка *дз* часто передается мягким *ч* (ср. в названии реки *Блыдз* > *Илыч*).

Версию А.И. Туркина радикально перерабатывает А.П. Афанасьев¹³: старинное название реки *Муча* сопоставляется с рус. диал. *муча* ‘кривун на реке’ (< селькуп.) и селькуп. *муч* ‘крутая излучина’; следовательно, *Мудзью* восходит к гибриднему селькупско-коми гидрониму **Мучью* со значением ‘река, впадающая в крутую излучину (основной реки)’. Названия реки *Мудзью* и деревни *Мутьдін*, *Мудздін* (‘деревня) возле (реки) Мудзью’, как считает А.П. Афанасьев, установлены неточно, искажены. Поэтому целесообразно ввести в употребление реконструированные гибридные селькупско-коми наименования, в частности, ойконим **Мучкост*, в котором селькуп. *муч* ‘крутая излучина’ сочетается с коми *кост* ‘промежуток’, поскольку ‘населенный пункт расположен именно в промежутке крутой излучины’¹⁴.

Смелый совет вмешаться в исторически сложившуюся топонимическую систему и восстановить формы **Мучью* и **Мучкост* оставим без комментариев, однако другие дополнения к концепции А. И. Туркина требуют анализа и оценки. Прежде всего нет оснований учитывать рус. диал. *муч, муча* 'изгиб (реки, озера)' при объяснении мезенских названий, поскольку эти слова зафиксированы в Томской области, т.е. в Западной Сибири (СРНГ 19,40). Они действительно селькупского происхождения¹⁵, но о селькупах как предшественниках коми нет никаких сколько-нибудь надежных данных. Тем не менее, и в неправдоподобных построениях А. П. Афанасьева можно найти кое-что рациональное: во-первых, он явно не видит возможности для этимологической интерпретации основы названия реки *Мудзью* на почве коми языка, а, во-вторых, деревня *Мучкас* действительно расположена у крутой излучины Мезени.

Вернемся теперь к концепции А.И. Туркина. Название порогов *Мудьдін косьтъяс* выглядит как позднее производное, эволюция которого (> *Мудзкось* > *Мучкась* > *Мучкас*) в функции наименования населенного пункта, даже если она происходила в русском языке, при сосуществовании с общеупотребительным типовым ойконимом *Мудьдін, Мутьдін* маловероятна. Допустимо другое решение: из *Муд(з)ью кось* путем преобразований, описанных и прокомментированных А.И. Туркиным, могло возникнуть русифицированное название порога *Мучкас*, которое затем было перенесено по смежности на селение. Это предположение как будто бы подтверждается и ранней фиксацией названия деревни *Муз-коска* (см. выше), которое может восходить непосредственно к **Мудз(ь)ю кось*, хотя при членении *Муз-коска* в форманте можно видеть и прибалтийско-финский компонент (фин. *koski* 'порог').

Слабым местом этой версии во всех ее вариантах является интерпретация топоосновы. Во-первых, для нее характерно колебание конечного согласного, что сразу же указывает на чужеродность данного лексического компонента в коми языке (и здесь А.П. Афанасьев прав); во-вторых, местные жители не дают адекватного объяснения этой топооснове; наконец, в-третьих, этимологию самого А.И. Туркина нельзя признать удачной: семантема 'кочка, кочкарник' обычна для названий болот, лугов, небольших речек и ручьев, но *Мудзью*, как уже было замечено, довольно значительная река, а главное – в приведенном А.И. Туркиным слове *мутш (mutš)* в исходе аффриката *tš*, которая коррелирует с *dž*, а не с *d'z*, фиксируемой в гидрониме¹⁶.

При анализе этого трудного названия необходимо учитывать, во-первых, возможность народной этимологии неясного слова в самом коми языке, во-вторых, окружающий топонимический ландшафт и, в-третьих, – данные физической географии.

Если построения А.П. Афанасьева напоминают типичную “кабинетную” этимологию, то в концепции А.И. Туркина явно чувствуется народно-этимологический подтекст. Местное население очень часто объясняет субстратное название из своего родного языка. Неосознанно тяга к этому может быть и у самого добросовестного исследователя, что и проявляется в толковании топоосновы *мудз(ь)*- и компонента *-кас* в *Мучкас*.

В поисках наиболее адекватного пути для решения этого не легкого случая надо прежде всего иметь в виду, что в бассейнах верхней Мезени и ее крупнейшего притока Вашки очень много названий, особенно гидронимов, которые не находят убедительного объяснения в коми языке, поскольку принадлежат более древнему населению. Таковы, например: *Коптюга* (коми *Копты*), *Кула*, *Курмыш*, *Муфтюга* (коми *Мукты*), *Мытка*, *Почкома* (коми *Путишкымъю*), *Пысса* (коми *Пыис*), *Субась*, *Субач*, *Тойма*, *Чебъюга* (коми *Чебъю*), *Чурум* и др. Некоторые из них имеют саамские этимологии, ср. *Кула* (саам. кильд. *küll* ‘рыба’), *Субась*, *Субач* (саам. кильд. *subb* ‘осина’), *Чебъюга* (саам. кильд. *šierp* ‘знаток, мастер’) и т.п. Учитывая эти данные, а также то, что верхнее Примезенье граничит с бассейном Пинеги, где обнаруживаются явно саамские названия типа *Нюхча* или близкие к ним подобные *Кучкас*, можно предположить, что и топоним *Мучкас* является субстратным названием, переработанным на почве коми языка. Эта версия поддерживается аналогичным названием *Мучкас*, называющим одну из протоков в устьях реки Кубена на западе Русского Севера, где также фиксируются топонимы саамского типа (или близкие к ним).

Показательны и данные физической географии: мезенский *Мучкас* находится на крутой излучине, а кубенская протока *Мучкас* ответвляется от основного русла, образуя извилину. Все это дает право обратиться к реконструированной уральской праформе **mut̕ka* ‘извилина, излучина (реки)’, рефлексом которой является фин. *mutka* ‘залив; извилина, изгиб’¹⁷ (см. выше *ко́чка* ~ фин. *kotka*). Хотя саам. норв. *mok'ke*, кильд. *møhke* в тех же значениях считаются заимствованием из финского, восстанавливают также прасаам. **mokkē* как усвоенное из финского языка¹⁸. Ничто не мешает, однако, предположить, что родственное финскому исконное

слово с консонансом *čk существовало и в саамском языке. Оно сохранилось в топонимии древних саамских диалектов Русского Севера подобно *Кучкас*, но было вытеснено синонимичным финским заимствованием в саамских наречиях Фенноскандии.

Еще об одном подобном слове, зафиксированном как в топонимии (*Пучкас*), так и в качестве апеллятива (*пучкас* 'пролив' = рус. диал. *прорва* 'протока') ~ урал. **ри́ске* 'полюй стебель' ~ фин. *putki* и т.п.⁹), нам уже приходилось писать²⁰.

Примечания

- ¹ *Vasmer M.* Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permien in Nordrussland // SPAV. Phil.-hist. Klasse. XX. Berlin, 1936, 203–205.
- ² *Попов А.И.* Из истории финно-угорских народностей: Дис. ... докт. ист. наук. Ч. 1. Л., 1947, 333.
- ³ *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto // MSFOu. 200. Helsinki, 1989, 56–57.
- ⁴ *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. Екатеринбург, 2004, 86–87.
- ⁵ *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1988–1991, 223.
- ⁶ Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974, 122.
- ⁷ *Rédei K.* Указ. соч., 668.
- ⁸ *Матвеев А. К.* Указ. соч., 24–25.
- ⁹ *Korhonen M.* Johdatus lapin kielen historiaan // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 370. Helsinki, 1981, 175.
- ¹⁰ *Матвеев А. К.* Указ. соч., 85.
- ¹¹ Там же, 223–224.
- ¹² *Туркин А.И.* Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986, 74–75.
- ¹³ *Афанасьев А.П.* Топонимия Республики Коми: Словарь-справочник. Сыктывкар, 1996, 107–108.
- ¹⁴ Там же, 108.
- ¹⁵ *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М.; Новосибирск, 2000, 397.
- ¹⁶ *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999, 18, 180.
- ¹⁷ *Rédei K.* Указ. соч., 282–283.
- ¹⁸ *Lehtiranta J.* Указ. соч., 76.
- ¹⁹ *Rédei K.* Указ. соч., 397–398.
- ²⁰ *Матвеев А.К.* Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // ВЯ 1998, № 5, 97.